

© М.Ю. Немцев, В.В. Куклев

«Люди расселин» в позднесоветской Москве. Интервью с Валентином Владимировичем Куклевым

Ключевые слова: «Третья культура», группа «Контекст», позднесоветская культура, советская неофициальная культура, ЦНИИПИАС

Биографическое интервью с московским литератором Валентином Владимировичем Куклевым (род. в 1948 г.) позволяет лучше представить сложную панораму неофициальной культуры и «эзотерической сцены» в позднесоветском обществе. Рассматриваются, в частности, особенности циркуляции разнообразных текстов антропологической тематики, деятельность ключевых фигур этой сцены, раскрывается авторская концепция «третьей культуры» и интерпретация различных событий с точки зрения человека «третьей культуры». Приводятся сведения о деятельности таких важных для интеллектуального сообщества данного периода институциях, как ВНИИТЭ и Студия электронной музыки при музее Скрыбина. Непосредственным поводом интервью стал выход книги В. Куклева «Люди расселин (глубинные люди)».

Михаил Немцев: Предлагаю начать разговор с вашей книги «Люди расселин». Она стала для меня непосредственным поводом обратиться к вам с просьбой об этом интервью. Вы также согласились написать для этого выпуска журнала статью об Аркадии Ровнере¹, и надеюсь, что он сегодня будет упомянут. Книгу «Люди расселин», я полагаю, стоит рассматривать

Куклев Валентин Владимирович – писатель, консультант, исследователь эзотерической традиции. Родился в 1949 г. в Москве. Участвовал в создании переводческой группы «Контекст». Соавтор «Энциклопедии символов и знаков» (М.: Локхид-МИФ, 1998) вместе с А. Ровнером и В. Андреевой. Член Союза писателей России. В 2020 г. вышла его книга «Люди Расселин. Глубинные люди» (М.: Издательская группа «Традиция» 2020. 238 с.). Она состоит из биографических очерков о российских интеллектуалах и эзотериках XIX – XX вв. и очерка «Семантическая навигация России».

Немцев Михаил Юрьевич – старший научный сотрудник Тюменского государственного университета. nemtsev.m@gmail.com <https://orcid.org/0000-0001-7854-7450>.

Для цитирования: Немцев М. Ю., В.В. Куклев. «Люди расселин» в позднесоветской Москве. Интервью с Валентином Владимировичем Куклевым // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 1. С. 122-150, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/122-150>

¹ *Ровнер Аркадий Борисович* (1940–2019) писатель, философ, руководитель тренинговых программ. Учился на философском факультете МГУ. В 1974–1994 гг. в эмиграции в США. Преподавал в нескольких университетах. Главный редактор и издатель журнала «Гнозис», «Антрологии Гнозиса», автор нескольких романов. После возвращения в Россию создал «Институт культуры состояний». Проводил тренинги на основе методов «четвертого пути» Г. Гурджиева, чью жизнь и творчество исследовал. Воспоминаниям об А. Ровнере посвящена статья В. Куклева «Новый огонь на Лемносе» в этом выпуске журнала.

как философско-антропологический трактат, построенный в виде ряда биографических очерков.

«Третья культура»

Валентин Куклев: Это достаточно редкий жанр, и задача там была в первую очередь обозначить линию, нежели представить более научное изложение. Хотелось назвать имена людей, которые были действительно акторами культуры. Как-то их «вытащить» из глубин социальных процессов. Я начал книгу «Люди расселин» где-то году в 1989-м. Аркадий Ровнер опубликовал первую главу из этой книги в «Гнозисе» (Куклев 1995). Мы с Ровнером как раз начинали идею «третьей культуры». Первая культура ориентирована на общение, на коммуникацию, различные манифестации. Соответственно, ей противоположна контркультура. Это культура диссидентства, протестов и так далее. А третья культура ориентирована на молчание. И конечно, можно привести массу примеров... Скажем, нам известна Ахматова, и ее можно отнести к «первой» или «второй» культуре. Но ее муж Вольдемар Шилейко², на мой взгляд, был более значительной фигурой. Он вроде был такой с края эпохи, скорее вроде, создавал некие духовные богатства. Поразительно, когда читаешь, как он работал в его сложнейшее время, когда из всех материальных вещей у него был чайник и собака. И как человек смел даже в те времена выжить и заниматься исследованиями, и писать стихи. Создавал сам для себя полную устойчивость. Класс таких людей я назвал «людьми расселин».

М.Н.: Если вам интересно, я могу сказать чисто читательское впечатление от названия книги. По моему ощущению, оно отсылает к духовной ситуации двадцатых-тридцатых годов, я бы сказал, к этому межвоенному периоду. Когда был одновременно и расцвет самых разных исканий, перебора разнообразных источников мудрости и знаний, и в то же самое время масса людей оказались страшно разочарованы происходившим, начали замыкаться в себе и так далее. В Советском Союзе их просто истребляли. В Европе многие из них потом пошли, например, в «консервативную революцию». Вот для меня «люди расселин» чисто ассоциативно — отсылка к межвоенной Европе, к той уникальной очень напряженной духовной ситуации.

В.К.: Понятно. Для меня-то это поглубже, «человек расселины» — это из Данте. Чтобы не привязываться к какой-то конкретной эпохе. Здесь действительно этих людей истребляли, они прятались, еще до страшных тридцатых, когда эти люди уже съехали в какие-то провинциальные города, устроились на какие-то кафедры. Сейчас не буду всех перечислять. Но это люди, которые в общем-то создают, по самому смыслу своей деятельности, ризому культуры, грибочки, из которых что-то вырастает. Если до этого была эпоха, так скажем, Серебряного века, и там люди кучковались скорее вместе: учились, например, вместе в Поливановской гимназии³, потом создали свой круг, у этого круга возникал свой журнал. Этих кружков было много, социо-

² Шилейко Вольдемар (Владимир) Казимирович (1891–1930) востоковед, поэт, переводчик с древних языков, профессор. Был женат на А.А. Ахматовой в 1918–1922 гг.

³ Поливановская гимназия — известная частная мужская гимназия в центре Москвы, открыта в 1868 г. Ее окончили многие известные писатели, ученые и другие интеллектуалы, в их числе Валерий Брюсов, Борис Бугаев (Андрей Белый) и др. Закрыта в 1923 г.

культурно это были люди группы. А «люди расселин» — это одиночки. Они ориентированы на индивидуальные процессы. Эти люди скорее искали свою точку опоры и свою как бы духовную энергию или силу, которую не могла бы сбить какая-то эгрегорияльная система⁴, политическая система. Эти люди уже обладали духовной устойчивостью. Они этим создавали миры. Вот то, что можно назвать *трансгрессией*. А что такое трансгрессия: был мир, и теперь его нет. Мы читаем Шекспира, мы понимаем, что были когда-то эти миры — теперь их нет. А мы о них читаем, нам это интересно. И здесь это важно подчеркнуть, что эти люди «третьей культуры», как правило, обладали некой семантизацией, знанием языка, понимали, что семиотика — это очень важная тема. То есть они понимали словари.

Биографические справки всегда как бы преувеличены, неадекватны, нормализованы. Поэтому моя книга «Люди расселин» это в каком-то смысле оппозиция «Жизни замечательных людей». Потому что «ЖЗЛ» это что-то для меня всегда скучное, ненужное и мало представляющее, что было на самом деле. А что важно для меня — тревоги духа, насколько человек себя разворачивает в творческом процессе. Этот творческий процесс, как правило, всегда трудный, нелинейный. Эта поверхность «ЖЗЛ» не значит, что человек не изучил глубины фактов. Но это было наверняка не так, как изложено. Ну, так устроены отношения жизни и реальности, творчества и жизни. Потому что что чем управляет, или что чем проникает? Творчество — жизнью? Скажем, в Серебряном веке многие стремились стать мастерами жизни. Но на самом деле эти отношения структурно более сложны.

М.Н.: Слова «стать мастерами жизни» не звучат для меня как метафора.

В.К.: Для меня это реальность. У меня очень рано это появилось. Столкнувшись с суровыми идеологическими плакатами советского периода, скажем, в 60-е годы. «Шершавый язык плакатов» был очень назойлив и очень сильно сбивал. Ориентира не могло быть в моей жизни.

М.Н.: То есть началось все с отчуждения от языка плакатов?

В.К.: Ну да. И — повезло или не повезло — но я поменял пять-шесть школ. Все они были в одном районе. Все школы были замечательные, начиная с гимназии фон Дервиз, сейчас это 325-я школа, затем Пушкинская школа рядом с метро «Бауманская». Мой первый блеск был, когда в 6-м или 7-м классе учитель нас заставил выучить стихи, которые нравятся. Каждому свое. А я почему-то выучил «Героя нашего времени», потому что я его в то время читал, причем наизусть. Прозу. И кто-то там прочитал стихи Пушкина, классики... а я вышел и стал читать главу «Героя нашего времени». Я любил стихи, но мне не хотелось читать стихи, как все. Какая-то индивидуальность обнаружилась, тем более стихи читать трудно. Все-таки я учился в музыкальной школе, и очень хорошо слышал звуковые тона. Как читают стихи актеры и как читают сами поэты — это очень разное звучание. И я думаю, что я поэтому выбрал прочитать прозу, а не стихотворение, хотя я многое уже в тот период знал наизусть. И потом у меня из этого сложилась концепция, как удержаться

⁴ Эгрегор — часто используемое в оккультной и эзотерической литературе понятие, обозначает некоего субъекта, создаваемого мыслительной активностью больших групп людей и, в то же время, управляющего ими. Введено в современный оборот теософским движением в начале XX в.

в себе культуру, если придется оказаться где-то в тюрьме или на необитаемом острове. Я думал, что нужно выучить почему-то 108 стихотворений, разных периодов, начиная от китайской поэзии, заканчивая европейской... Ну я и знал такой объем наизусть. И потом, когда я уже занимался в новые времена с молодыми ребятами или с детьми, выставлял им такое требование — выучить. Чтобы войти в культуру, надо держать в своей памяти такой объем. Кто-то это делал, кто-то не делал. Но это важная вещь. Может, как-то скомкано, но это реализуется. Можно даже так сказать: я — человек наоборот, я всегда делаю то, чего не надо делать. Занимаюсь ненужными процессами.

М.Н.: Я в детстве тоже учил стихи, и до сих пор иногда учу, но у меня нет списка обязательных стихов. А вы говорите, у вас список был, то есть какая-то идея за этим процессом...

В.К.: Да, это очень важное слово — список. Потому что все решают списки. Если мы упоминаем Василия Васильевича Налимова⁵, то он меня как бы направил в этом направлении, дал подсказку, что такое квалитметрия. А квалитметрия — это всегда списки. Всегда какие-то объемы, базы, как сейчас говорят... У меня есть такой даже текст, я его называю «*Музеон*», или «*Музей поэзии*», там приведены списки, построены определенные даже ряды для вхождения. И причем на основе такого требования: поэт — всегда там, где происходит открытие чего-то нового, и в этом смысл творчества. Если этого открытия нового нет, то нету и поэзии. Я постарался для этого списка проанализировать, в чем открытие Пушкина. Дело не в том, что Пушкин «наше все» или идеологически назначенный поэт. Нужно найти, в чем именно его открытие — семантическое, языковое, смысловое. И должен быть какой-то текст, показывается, и вот по каждому проекту такое требование. И по нему эти списки составлены. Но это большие объемы, я просто хотел показать, как вот эта особенность индивидуальной жизни встраивается в разные эпохи жизни.

В 13 лет я пошел собирать металлолом. 7 ноября, родители мои уехали, просто в школьной форме, был сильный мороз, и застудил почки. Нефрит. Меня увезли в больницу. Меня там приговорили. Мол, вряд ли мальчик может выжить... Я решил тогда начать лечиться сам. Начал бегать, играть в футбол, причем когда я бегал, почки плохо работали, и все выходило через кожу — выжимал майку, как тряпку с водой. И уже когда должны были в армию забирать, это в мою пользу сыграло, что я переболел нефритом. А я к тому времени уже бегал, играл вовсю, на коньках катался. В армию благодаря этому я не ходил.

Я же должен соответствовать времени, онтологически быть со временем наравне. Я к тому времени уже прочитал «В поисках утраченного времени» Пруста, в меня эта тема глубоко запала — что такое время, как оно работает... Это все формировалось, независимо от того, в какой школе или в каком институте учился. Все это шло своими параллельными маршрутами. Скажем в 15–16 лет меня волновала русская философия. У меня были отношения с букинистическими магазинами. Скажем, был такой магазин недалеко от того же

⁵ *Налимов Василий Васильевич* (1910–1997) советский математик и философ. Относил себя к послереволюционному течению «мистический анархизм». В 1936–1943 гг. находился в заключении по политическому обвинению, в 1949–1954 гг. в ссылке. Реабилитирован в 1960 г. Сотрудник математического, позже биологического факультетов МГУ. Один из создателей наукометрии, разработчик численных методов исследования науки (квалитметрии) (См.: *Куклев* 2020: 85–92).

Разгуляя⁶, где я жил в детстве. Когда я женился, то переехал на Земляной вал, и там на улице Чернышевского находился очень хороший букинистический магазин. Я все время туда забегал, искал... ну, скажем, нестандартные книги. Помню, я там купил «Серебряный голубь» Андрея Белого. Очень дешево. В то время такие книги были очень дорогими. Помню, так я купил Бердяева, «Выразительный человек» Сергея Волконского, Константина Леонтьева... Потому уже ближе к двадцати годам я подружился с некоторыми чернокнижниками.

Чтение

М.Н.: Кто-нибудь детстве вам специально рекомендовал, что прочитать?

В.К.: У меня есть даже роман «Дервиш книг», там как раз исследование формирования человека: как ребенок начинает читать книги. В 5–6 лет я жил у своего дяди в Электростали. Он был главный инженер завода, у него была шикарная библиотека, и там я начал читать. Про путешествия и прочее. У него была система закладок. Он закладывал прочитанные места этикетками от коробков, марками, какими-то необычными вещами. Вот как-то это визуально у меня закреплялось... У меня была крепкая визуальная память и до этого. То есть я видел какой-то значок и запоминал сразу страницу, и как-то это мне помогало. До сих пор мне достаточно пробежать страницу, и вот я ее прочитал. Но рядом с некоторыми книгами надо походить. Она полегит — то не въезжал, а вдруг открываешь, и все понятно, понимаете? Ну, есть масса технологий. Там в «Дервише книг» у меня показана эта вся эволюция искусства чтения. Еще была библиотека, находилась в Токмаковом переулке, это сейчас действующая старообрядческая церковь, но в то время там была детская библиотека⁷. Церковь — теремок такой, построена в 1905 г. Потом эта библиотека была закрыта. И мне было лет шесть, когда я записался в нее. Получил этот билет, который давал новый статус, и взял только книгу, которая мне понравилась своей яркой обложкой. И забыл ее название. Я потом долго искал эту книгу. Она стала каким-то странным мотивом для меня... Десятилетиями я все не мог ее найти. Я ходил по московским «букам» и по корешкам искал именно эту книгу. Но потом я научился по корешкам находить нужные книги. Сначала ты ищешь эту книгу, потом вообще — приходишь, смотришь на корешки и вытаскиваешь нужную книгу. Это какие-то микропроцессы, которые очень много формируют. Это можно назвать какой-то *поисковостью*. Я это потом оформил как очень важное свойство. Многие люди не знают, что искать, они же не умеют использовать Интернет. Особенно молодежь. Они умеют кнопки нажимать, а найти подлинную информацию им очень сложно. Они не знают гипертекста, чтобы находить нужную более глубокую информацию, пятого или шестого уровня. Информация же имеет разные уровни, я сейчас не говорю о знании, там другой аспект, из которого вытекает информация. И вот это качество понимания гипертекста очень важно, я практически быстро нахожу все, что мне нужно. И в этом смысле Интернет для меня большой инструмент. Потому что можно зайти в какие-то редкие библиотеки, найти нужную информацию. И я считаю, что эта поисковость как способность очень важна.

⁶ Разгуляй — площадь и исторический район вокруг нее в Москве.

⁷ Церковь Воскресения Христова и Покрова Богородицы. Построена в 1908 г. Находится по адресу Токмаков переулок д. 17. стр. 9. В настоящее время — действующая.

М.Н.: Искали ли вы старые частные библиотеки?

В.К.: Естественно. Скорее искал каталоги. Многое же формировалось в общественных библиотеках, например, в Румянцевской, но это отдельная тема. У меня-то как раз мечта была быть библиотекарем. Скажем, я уже в более поздние времена работал в музее Толстого в Хамовниках. Я устроился работать пожарным, потому что там была шикарная библиотека. В Ленинке я не мог бы получить «Философию общего дела» Н.Ф. Федорова, а там она находилась. Я пришел к Наталье Михайловне Хитрово⁸, она была директором. Она мне дала ключи от этой библиотеки, я мог там что-то брать, но не на дом, я дал слово ничего не уносить. Я там мог сидеть читать до утра, работал сутки — трое суток свободен. И я использовал эту возможность. Мне там нравилось, потому что была возможность читать, и там великолепный сад. И не так далеко от дома, я любил даже пешком идти оттуда, от Хамовников. Ну, полчаса ты идешь утренней Москвой. Я жил уже на улице Казакова на Садовом кольце.

В итоге я нашел в Москве более старую библиотеку, чем Румянцевская. Вы никогда не угадаете, где. Это библиотека Политехнического музея. Во-первых, это самая старая библиотека в Москве, и когда я туда попал, я был поражен, что там был открытый доступ ко многим вещам. Например, я видел книгу «План ГОЭРЛО». С одним человеком, который тоже интересовался этой темой, и мы с ним потом сделали тему «Большие проекты России», мы второй раз туда пришли, ее уже не было в доступе. В этой библиотеке я вскрыл целый пласт, например книгу 1860 г. о том, как построить в России 600 тыс. верст железных дорог. Еще дорог нет, а книга уже есть, понимаете? Или как построить мост между Аляской и Россией. Это была очень технологическая библиотека с уникальными книги. Я тогда предложил начать ее цифровать. Ну это кладези, понимаете?..

Литературу искали разными способами, здесь были отдельные истории, смешные и трагические. Скажем мы хотели добыть уже в 1970-е годы карту Лилы. Это большая игра индийских мудрецов, ее потом с моей подачи издала «София»⁹. У нас была переведенная с английского книга. Но там не было большой карты Лилы: там было только 72 поля, а в большой Лиле их 108, так как было 108 учеников у Будды. Это цифра любопытна с точки зрения буддийской нумерологии. У нас был человек, который достал и сфотографировал эту карту прямо в спецхране Ленинской библиотеки. Он как-то пронес аппарат. Это невероятная история. Это известная курилка, где там разные городские сумасшедшие концепции излагали...

М. Н.: А я эту библиотеку, конечно, называю Ленинской, но ваше поколение, наверное, принципиально, называло ее Румянцевской. Александр Пятигорский пишет о той курилке как об эпицентре его собственной интеллектуальной жизни в какой-то период (Пятигорский 1989: 58–62).

⁸ Хитрово Наталья Михайловна (1908–1990). Из известного дворянского рода. Была заведующей фондами музея-усадьбы Толстого в Москве в 1947–1981 г.

⁹ «София» — московское издательство (с 1991 г.), специализируется на «духовной», эзотерической и психологической литературе, в 1990-е годы внесло значительный вклад в развитие New Age движения в России и соседних постсоветских странах.

В.К.: Я не курил, я просто стоял в стороне и наблюдал. Мне просто нравилось слушать. Там, кстати, в этой Румянцевской библиотеке, я впервые встретился с Владимиром Микушевичем¹⁰. Микушевич еще жив, я не хочу ничего о нем говорить. О нем, каким он был в то время. Сейчас у него другой образ. Но мне нравилось, что он всегда подходил с вопросом «можно ли у вас спросить?» Из этого родилась потом целая система вопрошания, наука *цетика*. И кстати, эта наука позволяет спрашивать — какие традиции, у кого ты учился. И по сути, цетика, если умеешь вопрошать, решает эту проблему традиций.

Любая традиция (чтобы не использовать слово «эгрегор») — это всегда ограничение. Выгодно держать человека в ограничении. Религии для этого и созданы, чтобы держать человека в определенных рамках, понимаете. И если ты хочешь выйти за пределы этих рамок, ты становишься еретиком. И эта тема у меня идет по жизни. Кстати, когда наступила эпоха Интернета, я был достаточно в понимании этих процессов.

И стал заниматься этой темой, я ее еще назвал «стигмерия». Ну это вот как раны, но только на теле информации. До этого она у меня существовала в виде библиографических карточек. Это бумажный вариант стигмерии. У меня где-то около 10 тыс. книг, то есть 10 тыс. карточек. Причем я их писал на перфокартах, помните такие? Я начал на машинке печатать, потом стал писать от руки — и тогда у меня возникла тема создать машину знания.

Эта стигмерия работает не только как метод отыскать определенную книгу. Ну скажем, я понял, что не найду эту детскую книгу, и решил написать свою книгу. Потом написал. Меня начали интересовать темы на периферии информационного потока, закрытые темы. Какие-то по-своему уникальные истории. Когда пришел Интернет. Как быстро выходить на эти ссылки. Ну если брать античные аналоги. Если вернуться к теме библиотеки: надо оптимизировать рубрикацию. Есть такая история из тринадцатого века. У махараджи в Индии были книги, потом они сгорели в пожаре, и он нашел людей, которые смогли их восстановить. Вот есть каталог, но книг нет. Он нашел людей, которые восстановили эти книги. То есть, они на основе каталога их написали заново. Повторили или написали, это же идентифицировать очень трудно...

И здесь как раз возникает тема словарей и Даниила Андреева. Если вы помните «Розу мира», там в конце есть словарик. Это сложная книга, в нее можно войти, но какие-то подводки надо взять. Ну вот, в частности, в ней в конце есть словарь пневмоноосферы. Это словарь того космического пространства, которое он как-то продифференцировал и назвал. Всем кажется, что словарь у него просто так появился. А с него хорошо бы начинать, чтобы понять геометрию его космоса.

А я с этим столкнулся через Василия Васильевича Налимова. Он с ним где-то был то ли на пересылке, то ли в тюрьме, и он мне немножко рассказывал, как Андреев составлял этот словарь. Он же не знал ни древнееврейского, никаких вообще древних языков. Он был ченеллер¹¹, он ходил, и эти слова к нему приходили. Он их записывал. Аналогичный словарь мы находим у Ви-

¹⁰ *Микушевич Владимир Борисович* (род. 1936) — поэт, писатель, переводчик с немецкого и французского языков. религиозный философ. Преподавал в различных вузах. Живет в Москве.

¹¹ Ченеллер — человек, практикующий ченнелинг (от англ. channeling — букв. «создание канала»), или контактерство, т. е. «прием» и озвучивание (также визуализацию) сообщений от разумных сверхъестественных или внечеловеческих существ (духов, инопланетян и пр.). Ченнелинг практикуют некоторые эзотерические парарелигиозные группы.

льяма Блейка. Для меня словари — это очень глубокая тема. Она не появилась на пустом месте. Это традиция номинаций, концептов, смыслов.

М.Н.: Возможно, это эффект исторической эпохи, когда книги были труднодоступны, поэтому хотелось их собрать, упорядочить так, чтобы в итоге появился бы свой собственный мир универсального знания.

В.К.: Ну да, у меня была примерно такая концепция. Я ее назвал «машина знания». В этом отношении мне была интересна концепция Налимова — как он принимал вероятностные модели языка, континуум информационных потоков, как они работают. Это очень интересное наблюдение. Я работал в одной системе, где шло отслеживание информационных потоков. Скажем так, я ее возглавлял. Это Центр Кургиняна¹², где я воплотил свою мечту, сформировал библиотеку и был негласным библиотекарем. Я отдал свою библиотеку туда, еще ряд книг. У меня была эта тема с детства: надо было стать библиотекарем в какой-то библиотеке. Ну почему бы это не сделать, правда же? Надо же закрыть гештальт — детскую мечту?

М.Н.: Давайте вернемся к курилке Румянцевской библиотеки.

В.К.: Я упомянул единственного, кого опознал из этой курилки, Владимира Микушевича. У него очень выразительное лицо. Увидел его в каких-то телевизионных передачах. А эта курилка — я не курил, понимаете, мне было сложно там находиться. И для меня она не была пространством, куда я хотел бы заходить. Хотелось на свежий воздух. Потом, меня, скажем, заинтересовала девушка в зале, которая читала книгу, связанную с Курбан-ханом. Видно было, что это не русская девушка¹³. И я помню, что это суфийская книга. Я даже спросил «что вы читаете?», может быть, даже чтобы как-то познакомиться, и она говорит: «я хочу эту книгу прочитать по-немецки». И мол в спецхране есть издание этой книги, которое по-немецки вышло в 1924 г. Ну вот это мне более как-то... Может быть, просто эта восточная девушка была очень красивая. У нее была энергетика высокой октавы женственности, если хотите. Это когда ты смотришь на девушку не с точки зрения половых различий, да. Вот это мое определение. Но это особая тема. Вот что осталось у меня от Румянцевской библиотеки.

Места встреч московских интеллектуалов — они были разного формата, как говорят. Скажем, были поэтические кружки, типа «Магистралаи»¹⁴, они собирались в каких-то залах. Например, тот же «Спектр»¹⁵ собирался в здании института МИХМ¹⁶. А разные неформальные разговоры велись на квартирах.

¹² «Центр Кургиняна» — Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», создан в 1990 г. как экспериментальный театральный проект под руководством режиссера С.Е. Кургиняна в Москве.

¹³ В данном случае, «с нерусской (=не славянской) внешностью».

¹⁴ «Магистраль» — литературное объединение под руководством Григория Левина. Официально — литературный кружок Центрального дома культуры железнодорожников. Действовало с сер. 1950-х. Его участником был Б. Окуджава.

¹⁵ Литературное объединение «Спектр» создано в 1963 г. студентами и преподавателями Московского института химического машиностроения. Руководитель — Ефим Друц. В 1969–1971 гг. собирался вне помещений МИХМ, в 1971 г. официально его деятельность прекращена.

¹⁶ Московский институт химического машиностроения. В настоящее время — Московский государственный университет инженерной экологии (МГУИЭ). Находился в Басманном районе Москвы, где жил В.В. Куклев.

М.Н.: Как легендарный «Южинский кружок»¹⁷.

В.К.: Это меня тоже мало интересовало. Более того, я ведь знал того же Юрия Мамлеева¹⁸ еще с того периода, когда я лазил по библиотекам музеев. Я работал тем же пожарным в литературном музее Пушкина на Кропоткинской, в самом начале 1970-х годов. И там была она девушка, она говорит: я сейчас вступила в общество сексуальных мистиков¹⁹, у нас есть такой Юра Мамлеев. Ну а я все-таки знал, что такое «сексуальная мистика», наверное, поэтому что-то такое у меня появилось, похожее на опознавательный знак. Ну, она меня куда-то привела, где было собрание этих мистиков. Я даже не запомнил, в какую квартиру.

М. Н.: Название «сексуальные мистики» интригует.

В. К.: Больше интриги, чем какого-то там группового секса или какой-нибудь тантра-йоги. Хотя уж были такие темы в России, йога очень сильно же подпольно развивалась.

М. Н.: Что это было, семинар?

В. К.: Не помню! Даже и не семинар, а какая-то непонятная тусовка, и были советские девушки. А советская девушка — это особый материал.

М. Н.: А что это значит?

В. К.: Ну, советская женщина, если она не колхозница и не работница, она... Ну, это особый тип. Если какую-то типологию строить, то это особый тип. Скажем, немецкая женщина — это тип Брунгильды. Или Кармен — это *bruja*, колдунья. А этот тип, его условно можно назвать тип сексуальной дуры, да, такая метафора почему-то у меня вылезает. Это было в запахе этого общества, что ли. Я очень субъективно это все оцениваю. Потом проходит очень много лет: 1997 или 1998 год, я веду какой-то странный семинар по нетрадиционным текстам на пожарной кафедре МГУ, прямо первая дверь с Манежной, Большой Никитский переулок.

¹⁷ «Южинский кружок» — закрепившееся в литературе название сообщества друзей и собеседников, встречавшихся в 1960-е. Писатель Юрий Мамлеев имел две комнаты в неблагоустроенном доме (бараке) в Южинском переулке в центре Москвы (не сохранился). В этих помещениях постоянно происходили встречи своеобразного спонтанного «салона», а также чтения и обсуждения произведений разных авторов, в том числе и самого Мамлеева. Популярности «Южинского кружка» способствовала его пространственная близость к множеству других «тусовок», салонов и мест сбора разнообразных кружков. (См.: *Спирин* 2018: 218–225; *Laruelle* 2015: 563–580). В постсоветской России популярность легенды о «Южинском кружке» связана в основном с влиянием его младшего участника А.Г. Дугина.

¹⁸ *Мамлеев Юрий Витальевич* (1931–2015) — писатель, индолог, эзотерик. Основатель т.н. «Южинского кружка». С 1974 г. в эмиграции, затем вернулся в постсоветскую Россию. Жанр своих произведений определял как «метафизический реализм». Культовый автор российского эзотерического традиционализма 1990-х годов. Наиболее известные произведения — «Шатуньы» (1966), «Судьба бытия» (1993). (См.: *Лукоянов* 2023).

¹⁹ Об этом «обществе» встречаются упоминания в воспоминаниях об эзотерической сцене Москвы 1960–1970-х (см.: *Менцель* 2013: 207). По-видимому, никакого такого «общества» не существовало, точнее, оно было выдуманно Мамлеевым.

М. Н.: Что такое «нетрадиционные тексты»?

В. К.: Это тексты, которых нет в широком употреблении²⁰. Они существуют сами по себе, не пользуются какой-то, скажем так, литературоведческой обработкой. Скажем, в суфизме существует культура таких текстов.

И приходит Юра Мамлеев. Он меня, конечно, не помнит. Вообще, интересно, что я помню всех людей, с которыми я встречался, а меня почему-то не помнят. То ли я прячусь, мимикрирую, сильно изменяюсь на каждой встрече. Ну, на первой встрече я сидел в общей толпе и, может не было там какого-то визуального контакта. А здесь — визуальный контакт, понимаете? Потому что он пришел именно на семинар, опоздал, ну и мы там начали неожиданно говорить о теории негритюда, о черном фашизме, о поэте Леопольде Сенгоре. Интересно пообщались. У него был ученик Сергей Рябов²¹, он потом издавал красивый журнал «Империя духа». Он мне сказал, что вот у вас есть тексты по русской метафизике, которые освещают какие-то захолустные пространства, куда никто не ходит. У меня что-то было, потом ему передал, это было напечатано еще на машинке, хотя был уже 97-й год, уже компьютерная эпоха. Проходит несколько месяцев, я набираю по телефону Рябова, говорю: не будете печатать, — просто верните, у меня один исходник был, я вам все отдал, даже не скопировал. Он говорит: приходите, адрес такой-то. На Арбате была у них такая одухотворенная комната, в теме магического реализма. Он мялся, мялся, но в итоге так тогда не отдал. Впрочем, не важно.

Еще одна была встреча с Мамлеевым, уже когда был раздел Литфонда. Я был членом правления Союза литераторов России, это тоже особая тема, ну и Союза писателей. Нас пригласили, потому что там за раздел имущества боролись как раз Михалков и Юрий Поляков, который возглавлял «Литературную газету». И мне понравилось, как пришел Мамлеев. Мы сидели там одной группкой, представители Союза литераторов и других группировок, и была другая, бо́льшая часть союза писателей. Зал разделился, и Юрий Витальевич сел как раз между нами — не там и не там. Но так как ему Союз литераторов дал определенную премию, то есть платил ему по сути пенсию, он, очевидно, не хотел рвать эти отношения. И последняя встреча. Мы проводили собрание Союза литераторов, он пришел и читал последнюю свою книгу. Причем пришли люди, связанные с Дугиным, которых на дух не переносили в этой аудитории. Он пытается там разбирать, что такое русская тоска, и эта тема у него семантически не проработана, и эти дугинцы шумят. Я там что-то краткое сказал, и ушел. Но я помню, у меня был такой портфель... а была весна, как раз перерыв и я запомнил, я выхожу, и там дугинцы меня поздравляют с чем-то, благодарят за какое-то мое высказывание. И в это время у меня обрывается лямка, и портфель падает в грязь. Классно! Реальность как бы

²⁰ Ср. высказывание Аркадия Ровнера: «Вы, наверное, и не слышали о феномене антисамиздата? Тексты высокой концентрации не распространялись и не давались всем подряд, напротив, их берегли от профанации, от разбазаривания. Мы чувствовали себя хранителями сокровища и давали его только достойным. Это и привело к феномену «третьей литературы», не рассчитанной на широкую известность» (Здесь и там. Беседа Аркадия Ровнера и Леонида Большухина. <https://arkadyrovner.wordpress.com/2020/08/17/%d0%b7%d0%b4%d0%b5%d1%81%d1%8c-%d0%b8-%d1%82%d0%b0%d0%bc/>).

²¹ *Рябов Сергей Владимирович* (1966–2010) — религиовед и религиозный философ. Журнал «Империя духа» издавал в 2008–2009. Был редактором и составителем книги «Unio Mística. Московский эзотерический сборник» (1997), в которой были опубликованы сочинения участников «Южинского кружка».

показала свой текст. Он меня почему-то в упор не видел, хотя ситуация: человек пришел на твою лекцию, ты с ним разговаривал в течение часа, я даже помню тему разговора, потом встреча в Союзе, где он сидел напротив, в метре. И тут я тоже был в метре — двух, он книгу зачитывал, о бедной России, и тоже такой взгляд «в упор тебя не вижу». Чтобы понять, тут нет никакой личной оценки, просто такие люди. Почему я говорю так подробно: мы с Аркадием Ровнером скептически относимся к Юрию Витальевичу, потому что он, по сути, ничего не зная об эзотерике, пытается внедриться в сложнейшую область метафизики, понимаете, где и падшие ангелы (имя которым легион). Понимаете, демонология очень сложная вещь.

М.Н.: Но он-то, кажется, и не претендовал на знание традиции, как претендовали Гейдар Джемаль и Евгений Головин.

В.К.: Да, это были люди, которые знали, а это человек другого рода. Но сейчас я не хочу никаких оценок, просто у нас были определенные смысловые и семантические расхождения.

Работа

М.Н.: Вы ведь получили режиссерское образование во ВГИКе?

В.К.: Ну, я не считаю, что у меня режиссерское образование, я его, кстати, не получил. Я не закончил ВГИК официально, я только сделал дипломную работу, она даже есть в сети²². Я как раз здесь, будучи еще очень молодым человеком, столкнулся с идеологической системой. Надо было проходить литование на создание своей учебной работы, представляете, литовать надо было сценарий. Я принес оригинальный сценарий, его не взяли, я тогда прикрывался именем писателя Распутина. Тогда заливали и пропустили, я снял эту работу, и мне должны были поставить зачет. По сути это был диплом, хотя шла как курсовая.

Я походил практику у Игоря Таланкина²³. Но это не так интересно. Я не признавал его творчество, я открыто ему это говорил. Но это глупо, если ты хочешь получить какие-то зачеты по практике. И он мне говорил: ты никогда не будешь здесь режиссером, потому что это искусство, как и архитектура, скрыто идеологическое, а ты антисоветчик. Я говорил: ни в коем случае, я ученик Сергея Михайловича Эйзенштейна! Тогда как раз вышел этот шеститомник (*Эйзенштейн* 1964–1968, 1971), я его прочитал, освоил все про монтаж, я говорил: вот у вас, Игорь Васильевич, не так смонтировано, вот тут хронометраж неправильный, ну в общем, всякую фигню... Ну, не знаю, как он ко мне относился, да это и не важно сейчас, вы понимаете. Ну, я благодарен, что я свалил из этого направления, потому что для меня это было бы гибельное место — советский кинематограф со всеми его... Хотя тогда, наверно, было все проще, соблюдать идеологические установки, и ты в тренде, да? Ну так многие и делали. Единицы только отклонялись, например, режис-

²² Художественный короткометражный фильм «Рудольфио». URL: https://youtu.be/b3rOk1_foxA (дата обращения: 08.03.2023) Снят в 1969 г.

²³ Таланкин Игорь Васильевич (1927–2010) советский кинорежиссер, сценарист. С 1958 г. режиссер киностудии «Мосфильм». С 1964 г. вел мастерскую во ВГИКе, с 1974. г. профессор.

сер Рубинчик²⁴. Он больше работал на Белорусской киностудии. У него есть потрясающая картина «Дикая охота короля Стаха»²⁵. В этом ключе я хотел делать свое кино. Но надо было либо бороться, либо как-то пристраиваться, а я не хотел ни того, ни другого, потому что это трата сил, так же как трата сил на диссидентство. Ну что бороться с системой, которая, как любая система, сама падает, только надо подождать. Сейчас очень много работ о том, что все системы существуют какое-то время, они не бесконечны. В современном мире такие системы живут максимум 20–30 лет. Вот сейчас доживает система максимум до 2030 г., она сама себя устранил. Советской Союз был громаден, но семантически не точен, поэтому и рухнул. В общем, во ВГИКе надо было просто сделать какие-то усилия, получить эту бумагу, но я не стал этого делать. Как-то и времени было жалко своего, там ходить...

Потом я стал работать в ЦНИПИАСС²⁶, где мы познакомились с Олегом Игоревичем Генисаретским²⁷, правда, мы работали с ним в разных отделах. Я был в Отделе инвариантного проектирования у Мартина Михайловича Субботина²⁸. В том же институте был Георгий Петрович Щедровицкий, главный методолог тех времен. Перед этим разогнали ВНИИТЭ²⁹, часть тех, кто занимался этой «технической эстетикой», перекочевала в ЦНИПИАСС. Потому что у нас там был всего один присутственный день, представляете, мы могли ходить в библиотеки. И там происходили как раз такие свободные беседы. Я был тогда такой молодой человек, ищущий, такие, скажем, новые темы, новые подходы, и меня, конечно, удивляли эти люди. Вот был в нашем отделе Алексей Александрович Дорогов³⁰. Он занимался историей науки, это вообще была его специализация, он ее очень глубоко знал. Он как-то пересекался с М.М. Бахтиным³¹. В то время книги Бахтина еще не печатали. Я не знаю, как Олег его воспринимал, для меня это был такой человек: он приносил библиографический ящик с карточками за какой-то год, передавал мне этот ящик, я вытаскивал какую-то карточку, скажем «Академик Крылов», — он рассказывал об этой книге. Причем я знаю, что книгу эту он не читал. «Крылов»

²⁴ Рубинчик Валерий Давидович (1940–2011) — советский кинорежиссер. Окончил ВГИК в 1969 г., с этого же года — режиссер киностудии «Беларусьфильм».

²⁵ Фильм 1979 г., студия «Беларусьфильм», вольная экранизация одноименной повести Владимира Короткевича. Этот фильм часто характеризуют как «мистическую драму», как «первую советский мистический триллер» и «белорусскую готику».

²⁶ Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт автоматизированных систем в строительстве, создан в Москве в 1972 г., директор А.А. Гусаков.

²⁷ Генисаретский Олег Игоревич (1942–2023) — философ, искусствовед, религиозный мыслитель. Окончил МИФИ, был активным участником Московского методологического кружка, созданного Г.П. Щедровицким. Доктор искусствоведения. Вдохновитель и консультант ряда гуманитарных проектов. Был одним из ключевых участников позднесоветских и постсоветских философских дискуссий в России.

²⁸ Субботин Мартин Михайлович — советский философ, участник «системного движения». Кандидат философских наук (дисс. «Творчество и отношение полезности», 1973). Занимался также теорией информации.

²⁹ Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики. Создан в Москве в 1962 г. для развития теории и практики промышленного дизайна.

³⁰ Дорогов Алексей Александрович (1923–2003) — историк науки, философ, культуровед. Был известен как энциклопедист, блестящий собеседник, но избегал написания научных работ. Науч. сотр. ИИЭТ АН, затем с 1965 г. сотр. ВНИИТЭ, с 1972 — ЦНИПИАСС. См.: Дорогов 1956: 100–155. О нем: Рупова 2016: 137–139.

³¹ См. его меморандум: Дорогов А. А. о встречах с М.М. Бахтиным и о его месте в истории лингвистических идей // Московский лингвистический журнал. Т. 8. № 2. С. 161–177.

мне запомнился — эта маленькая книжка потом мне попалась, и когда я ее прочел, то удивился, как Дорогов четко, не читая, о ней рассказал. Это меня поразило в свое время. Но, естественно, эта ситуация долго продержаться не могла. Ну, годик мы продержались.

М.Н.: А как вас туда взяли без диплома о высшем образовании, это же научный институт?

В. К.: Я знал, как создавать художественную среду. Когда я разговаривал, я уже дал им какие-то концепты игровой среды. Им это подходило. Когда человек что-то знает, а им именно это и нужно, такого человека берут. Тем более что я был очень молодой энтузиаст, 24 или 25 лет, очень увлеченный этой темой.

М.Н.: А какой был присутственный день?

В. К.: Этого я сейчас не помню. Может быть два дня было, полдня можно было ходить. В общем, была полная свобода. А моим руководителем был Мартин Михайлович Субботин, хотя у меня более близкие контакты были с Эльгеном Порфирьевичем Григорьевым³².

М.Н.: В каком отношении он был руководителем?

В.К.: Он просто давал мне задания, что сделать. Его интересовала семантика пространства, близкая к пространственному дизайну. Как эта семантика может быть использована в архитектуре. Там много было идей, которые я уже потом стал развивать в плане социального проектирования, и вообще культуры проектности. Культура проектности — это вообще важная тема, которая лет десять назад пользовалась спросом, и у меня было много заказов (*Некlessа, Куклев 2009–2010: 9–19*). В России были пионеры в этой области. КЕПС³³ был первым таким проектом, где в 1914 г. участвовали академики, которые подсчитали ресурсы России, потом ГОЭЛРО, и потом все затихло. Дальше это были идеологические проекты. Но я не стал работать там дальше. Институт, который давали Григорьеву, был где-то там при ЦК, вот мне не очень хотелось всей этой идеологической надстройки, когда в таких официальных институтах ты занимаешься не тем, чем хочешь, а создаешь какую-то там информационную подсказку для элиты. И я ушел в студию электронной музыки, которая была тогда при фирме «Мелодия».

М.Н.: Это была официальная студия? То есть вы были там трудоустроены?

В. К.: Знаете, я, так скажем, не очень нуждался в деньгах. Но я устроил человека на свое место, которое мне нужно было для моих экспериментов.

³² Григорьев Эльген Порфирьевич (род. 1935) окончил Московский архитектурный институт. Доктор технических наук (диссертация «Инвариантный метод проектирования», 1972). Один из первых в СССР специалистов по техническому дизайну. Занимался системным анализом. Поэт.

³³ Комиссия по изучению естественных производительных сил страны (КЕПС) создана в 1915 г. при Академии наук. Издавала сборник «Естественные производительные силы России». В 1930 г. объединена с другими исследовательскими и проектировочными организациями, и создан Совет по изучению естественных производительных сил СССР.

То есть он там получал зарплату. Я там не получал зарплату. И это место было, так скажем в двух словах, настоящее «Сколково». Немножко я подрабатывал психоанализом, у меня в то время была небольшая клиентура, вот, потом это вылилось как раз в создание группы «Контекст», буквально в 1974–1975 годы. Это была переводческая группа. Мы переводили много новой литературы. До этого с книгами было очень плохо. Кто был? Ну, Петр Демьяныч Успенский, Рерих, Гурджиев, Штейнер... какой-то десяток книг, которые можно отметить... А здесь пошел поток новой литературы — это отдельная история, очень интересная, — приезжал один такой свободный американец, который привез книги Кастанеды, книгу Эверетта Шострома «Человек-манипулятор», книги Берна, еще «Автобиографию» Йогананды. Для меня основными были книги Джона Каннингэма Лилли³⁴ — «Центр циклона», «Память циклона», «Я ученый», другие. Этот человек первым начал заниматься нейропрограммированием. Это ходило в самиздате. Я сейчас перейду к некоторым актерам, переводчикам, это мои близкие друзья. Виталий Николаевич Михайкин³⁵ был одним из переводчиков этой литературы. После «Центра циклона» впоследствии он перевел и четыре тома Станислава Грофа.

М.Н.: А переводы «Контекста» в самиздате продавались?

В.К.: Нет, нет. Это было все в свободном... Там, где я жил, рядом был ВЦП — Всесоюзный центр переводов, и у меня хватило ума эти книги начать там регистрировать. Через некоторое время к Виталию Николаевичу пришли из органов, мол, занимаетесь этими делами. Ну какими делами? Переводы официально зарегистрированы, а как они ходят — я не знаю, это не мое дело, я перевожу. За переводы что-то платили, копейки, но что-то платили.

И как раз на основе этих текстов появились опыты создания уже первых групп, куда и входили мои, скажем, — я не буду употреблять слово ученики, как-то оно в русской культуре плохо работает и возникает из-за этого масса проблем — скорее некие друзья или последователи. Слово «клиент» отсутствовало, это уже термин 90-х годов, когда эти темы начали как-то оплачиваться. Тогда это делалось практически на добровольных началах. Как-то человек в чем-то тебя поддерживал. У меня особых проблем с выживанием не было, у меня в Москве была квартира. На копейки можно было существовать в советские времена. Все было дешево. Но эта тема потом дала мне очень важные концепты. Как достичь уровня доходности, чтобы потом не зависеть ни от каких эгрегоров. Я уже много лет ни от кого, ни от чего не завишу, живу в свободном режиме. Свою минимальную сумму я всегда имею, независимо, что именно я делаю. Владея системными подходами, я проработал для себя, как денежные системы должны работать правильно, то есть как ресурс. Но эта большая тема, к той эпохе мало имеет отношения. А в студии я просто отдал эту зарплату другому. Там нужен мне был человек, мы занимались определенными экспериментами, например, цветом пространства.

³⁴ Лилли Джон Каннингем (1915–2001) — американский врач, нейробиолог, психоаналитик. Известен открытием сенсорной депривации как метода исследования сознания, и многолетними исследованиями возможностей коммуникации с животными (дельфинами). Был одной из «знаковых» фигур американской контркультуры 1960-х и российского New Age 1990-х. Автобиография: Лилли, Дасс 1975.

³⁵ Михайкин Виталий Николаевич (1938–1990) — эзотерик. Наиболее известен как переводчик. См.: Куклев 2020: 35–56.

Там тоже были очень уникальные люди, но не мыслители, а скорее инженеры и новаторы. Как они собирались? Такие места всегда имеют свое притяжение. Там был уже первый отечественный синтезатор. В этом помещении был первый водяной лазер. Были ксеноновые проекции, масса приборов, технически, можно сказать, очень примитивных. Но они позволяли вести наблюдения, экспериментировать со звуком, со светом, с пространством.

Эта тема мало подана, ее дают в основном композиторы, которые приходили в «Студию электронной музыки». Эдуард Артемьев, Софья Губайдулина, Эдисон Денисов и так далее. Но самым-то интересным были те люди, которые создавали новые технические идеи. Например, директор студии Марк Семенович Малков, мы с ним очень-очень дружили. Он первый начал там в 1970-е годы создавать мультимедиаальную среду, интерактивные системы, массу таких вещей. Он их выдавал как идеи, их не было в реальности, но мы пытались это как-то создавать. Я, когда в 90-е годы приехал в Штаты, думал, что эти проекты можно будет там развернуть. Такое вот удивительное место. Скажем так, «Сколково» в этом плане более фейковое место. Там были настоящие инженеры, люди, которые владели предметом. Скажем, Сергей Зорин³⁶ открыл оптический театр в Музее Рериха. В то время Малков подарил ему идею. В технические вещи я не хочу сейчас забираться. Важно, что такое место было, и мне оно, скажем, дало толчок уже в середину 90-х годов — удалось создать фонд «Инновации и технологии XXI века», который существовал до 2000 г., когда еще как-то не очень проходила сама идея «инноваций».

М.Н.: Когда вы говорите про студию, вы говорите об инженерах. В чем состоял в то время ваш интерес?

В.К.: У меня была группа, скажем, студентов Щукинского училища, они приходили ко мне домой — я с Разгуляя переехал на улицу Казакова, и вот с этим ребятами, студентами, мы занимались изысканиями, где мне хотелось реализовывать какие-то идеи. Ну вот, скажем, идею выразительности. Точнее, может, эстетику выразительности. Из известных аналогов можно назвать Бенедетто Кроче. А у меня основная опора была на Сергея Михайловича Волконского³⁷. Это был, я считаю, вообще первый в мире социогуманитарный мыслитель, я где-то следовал его направлению. Студенты, которые у меня занимались, потом стали очень известными актерами. Самый продвинутый был Феликс Иванов³⁸, он вообще уехал и создал в Америке свой театр, представляете. О нем почти ничего не известно. Он поставил в театре Моссовета «Иисус Христос Суперзвезда». Это была целиком его постановка. Он очень талантливо работал со словом.

³⁶ *Сергей Михайлович Зорин* (род. 1944) — писатель, изобретатель. С 1960-х годов экспериментировал с цветомузыкальными инструментами. В 1969 г. создал «Оптический театр». Живет в Москве.

³⁷ *Волконский Сергей Михайлович* (1860–1937) — российский театральный педагог и критик. Был директором Императорских театров в Москве (1899–1901), затем развивал разные направления актерских тренингов, музыкально-ритмического воспитания (ритмики), преподавал. Автор ранее упомянутой в интервью книги «Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту)» (1913). С 1921 г. в эмиграции. См.: *Куклев* 2020: 77–84).

³⁸ *Иванов Феликс Иванович* (род. 1936) — артист театра и кино. В 1966 окончил ГИТИС. На сайте театра Моссовета он указан как «режиссер по пластике» постановки оперы «Иисус Христос — суперзвезда».

Знакомства

М.Н.: Удивительно, что вы тогда не познакомились с Евгением Шифферсом³⁹ — в одном городе в одно и то же время Вы с ним занимались похожими темами...

В.К.: Да, я лично с ним не был знаком, хотя многие мои друзья были у него учениками, входили в круг его учеников. Это Олег Игоревич Генисаретский, хотя я не знаю, плотно ли он с ним общался. По моему опыту коммуникации, он не входил глубоко в онтологию, он скорее такой философ рефлексии. Есть такая Елена Машкова, кинорежиссер, она очень близка была в контактах с ним, очень много о нем говорила. Она помогала редактировать последние книги Георгия Данелия. И именно Машкова была очень близка к Шифферсу.

Но он занимался в большей мере классическим театром и кино, а я-то занимался скорее экспериментами в этих областях. Ну скажем, артикуляцией идеи через звук, через слово, через смысл. Уже была книга Михаила Чехова, что-то оттуда пробовали, эти измененные психологические жесты, измененные состояния сознания. Это был 1973 год, никем это не афишировалось, вы ничего об этом просто не найдете. Ученик Гурджиева Жан-Луи Барро⁴⁰ приезжал со своим театром, но мало кто это знал.

М.Н.: А Ежи Гротовский?

В.К.: Гротовский — в меньшей степени. У меня были люди, которые были связаны с этим театром. Я потом создал свою систему, которая мне позволила выжить в те же 1990-е или 2000-е годы, когда пришлось выживать, когда я вернулся из Америки с какими-то бизнес-идеями, которые здесь по определению не могли работать. Мне пришлось заниматься преподаванием голоса, речи, в том числе с политиками. Так что благодаря этим навыкам я потом нормально жил.

Если вернуться к фигурам, ну как вам сказать, меня скорее всегда интересовало что-то нетрадиционное, что-то новое. Почему я не сблизился с людьми типа Евгения Шифферса, или в Ленинграде был ряд интересных значимых фигур. Их в моей книге нет, потому что в ней скорее московская среда, андерграундная. Хотя здесь это слово, наверное, неправильно, это не люди подполья, это люди глубин. Люди «третьей культуры». «Третья культура» противостоит публичности. Я не публичный человек, хотя я и выступал на телевидении, меня приглашали, и участвовал в каком-то идеологическом и смысловом наполнении — в 1980-х годах, в конце советской эпохи, была передача «Пятое колесо»⁴¹.

³⁹ Шифферс Евгений Львович (1934–1997) — режиссер театра, мистик, религиозный писатель. Окончил Ленинградский институт театра, музыки и кино. После нескольких театральных работ ему было негласно запрещена режиссерская работа в театрах Ленинграда. Вернувшись в Москву, пережил религиозные откровения и в последующие годы создал оригинальную религиозную философию и эстетику. См.: Куклев 2020: 171–180. См. также статью М. Немцева в этом номере журнала.

⁴⁰ Барро Жан-Луи (1910–1994) — французский актер и режиссер, сторонник «тотального театра», в СССР приезжал на гастроли с 1962 г.

⁴¹ «Пятое колесо» — публицистическая программа ленинградского, затем российского телевидения в 1988–1992 гг.

Знакомства

М.Н.: Насколько важной для вас была тема восстановления традиции?

В.К.: Это очень большая для меня тема — примордиальность, *primordium*, на котором основывается следование традиции. Каким образом развивается живая традиция? Развивается. Иначе наоборот, люди появляются неизвестно откуда и оказываются в правительстве. Непонятно, откуда человек пришел. И взять все фигуры, начиная с 1990-х годов. Это люди из ниоткуда, у них нет этого примордиума. Другое дело, когда человек у кого-то учился и взял традицию. У него был какой-то конкретный учитель, и этот человек взял его культуру, его семиозис, его стремления к какому-то подлинному языку, к реальному смыслу. Тогда такой человек уже обладает онтологическим статусом. Вся вот эта российская современная культура обладает фейковым статусом. Тот же Жириновский был человек-фейк. В связи с этим я поймал любопытную историю. Есть такая Прохорова, из династии Прохоровых, дочь известного мануфактурщика. Она дружила почти со всеми людьми Серебряного века. Они жили рядом с Цветаевой. И вот она живет в каком-то переулке, одна комнатка у нее осталась от ее богатой квартиры. Утром она слышит шум за окном, открывает и видит двух молодых людей, лезущих куда-то по стене мимо ее окна. В люльке. Что-то вешать. Она спрашивает: сынки, вы кто? «Мы жириновцы». А ей уже под девяносто, она и не слышала, кто такой Жириновский! Вот эту всю трансгрессию, о которой мы говорим, она в себе несет. Кто такой для нее этот Жириновский?

М.Н.: Они не понимают вопроса, она не понимает ответа.

В.К.: Вот это как раз имеет отношение к онтологическому статусу. Все публичные люди в принципе отказываются от онтологического статуса, понимаете, в конечном итоге они начинают работать на первую или на вторую культуру, им ничего другого не остается. Выживание, монетизация... Они примкнули к какой-то партии... Не хочу слово «эгрегор» употреблять в нашем разговоре. А вот, скажем, Даниил Андреев не вписывался ни в какую систему.

М.Н.: Вы искали таких учителей?

В.К.: Вы знаете, у меня как-то изначально было определено моей индивидуацией. Я рано начал читать книги, начал образовываться. В 14–15 лет прочитал доступную русскую философию. Бердяева. Естественно, я жил в таком книжном мире. Я знал настоящих чернокнижников, которые могли достать редкие книги. Примерно в 1968 г. я столкнулся с книгой Каллистрата Жакова⁴². Я открыл математика гармонии. Естественно, потом приходили какие-то интересы. Каббале я учился у человека, который глубоко ее знал — у Евгения Максимова⁴³. Олег Генисаретский тоже попадал к нему в группы, но он

⁴² *Жаков Каллистрат Фалалеевич* (1866–1926) — философ, писатель, литературовед. По этническому происхождению коми. Создатель оригинальной постгегельянской философии «*лимитизма*». См.: *Куклев* 2020: 151–160.

⁴³ *Максимов Евгений Николаевич* (1935–1976) — филолог, египтолог. Исследовал мифологию и религию древнего Египта. Преподавал древнеегипетский язык. См.: *Куклев* 2020: 47–56, где описано формативное влияние Максимова на Е. Головина.

как-то это не афиширует и старается о Евгении Николаевиче не говорить⁴⁴. Естественно, у меня были и буддийские учителя, один из них Оле Нидал⁴⁵. Он приехал на мотоцикле тогда в Питер. Это был неизвестный здесь человек...

М.Н.: С Бидией Дандароном⁴⁶ Вы встречались?

В.К.: Разве что мельком. Скорее встречался с ним Виталий Николаевич Михайкин. Это очень интересная фигура. Он в то время был зам. начальника кибернетической лаборатории. Он потом поехал к отцу Тавриону⁴⁷. Это очень интересный христианский подвижник, который 30 лет просидел в лагере и не спал, молился 30 лет, представляете. Потом он вышел и под Ригой получил монастырь, и Виталик к нему поехал. Но я с ним не поехал. Я крещеный человек, но у меня была прививка антиэгрегориальная, что ли. Если человек к какому-то эгрегору принадлежит, я старался как-то его обходить, не входить глубоко. Ну, можно было бы для какого-то знакомства с символикой, со смыслом, скажем, чтобы хорошо понимать православную теологию. Не только католическую, которой я больше был захвачен в те времена. А он поехал. У меня была своя сильная индивидуация следовать своему внутреннему голосу, своему мировоззрению, и я старался это мировоззрение как-то культивировать и развивать. И я не боялся влияний. Я встречался с серьезными ламами, поверьте. И с тибетскими я хорошо знаком.

М.Н.: Про Дандарона все-таки скажите. Вы могли бы с ним встречаться, наверное, если бы общались с Октябрьной Волковой⁴⁸.

В.К.: С Октябрьной Волковой мы пересекались. Встречались где-то вне ее квартиры. Она жила недалеко от Черемушек. Ее близкий ученик Саша Качаров⁴⁹, он потом занимался живописью мандал, у меня много жил в свое время, еще на Казакова. Я провозжал его в Тибет, когда он улетал в конце

⁴⁴ В момент записи интервью (декабрь 2021 г.) О.И. Генисаретский был еще жив.

⁴⁵ *Оле Нидал* (род. 1941) — лама, проповедник и учитель тибетского буддизма. С 1973 г. путешествует, создавая буддийские центры и группы в разных странах.

⁴⁶ *Дандарон Бидия Дандарович* (1914–1974) — лама, буддолог, переводчик. Родился в Бурятии в священническом роду. В 1937–1943 и 1948–1956 гг. находился в заключении. После этого жил в Улан-Удэ, работал научным сотрудником, переводчиком. Приезжал в Москву и Ленинград, встречался с теми, кто интересовался буддизмом, в т. ч. на квартире Октябрьной Волковой (см ниже). Постепенно вокруг него сформировалась уникальная община учеников-буддистов. Создатель концепции «необуддизма». Умер в лагере.

⁴⁷ *Архимандрит Таврион* (в миру — Батозский Тихон Данилович) (1898–1978). С 1920 г. в монашестве. В 1929–1935 гг. в заключении, в 1940–1956 гг. опять в заключении, затем в ссылке. С марта 1969 г. духовник Свято-Преображенской пустыни в Елгаве (Латвия). Был популярным проповедником. О нем: Биbihин В. В. Старец Таврион // сайт «Владимир Биbihин» http://www.bibikhin.ru/starets_tavrion.

⁴⁸ *Волкова Октябрьина Федоровна* (1926–1988) — востоковед, переводчица с санскрита, специалистка по буддизму. Родилась в Ленинграде. В 1956–1981 гг. сотрудница Института Востоковедения АН. В 1960–1970-е годы «дом сестер Волковых» в Москве был местом встреч и бесед всех, кто интересовался индологией и буддологией. О.Ф. Волкова глубоко знала санскрит, буддистскую литературу. Как консультантка и переводчица повлияла на развитие советской индологии.

⁴⁹ *Кочаров Александр Арамович* — художник, буддийский ученый, мастер буддийской иконописи. Жил в Москве и Ленинграде, затем переехал в Улан-Удэ (Бурятия). Учился в монастырях и буддийских институтах в Индии, преподавал в университетах США. Профессор Агинской Буддийской академии.

1980-х годов. Вот он оттуда. Для меня она не была каким-то прорывным человеком, скажем, как Лилли. Вот он для меня он был такой фигурой ученого человека — экспериментатора, которой я старался следовать, потому что и его сциентистский язык мне был близок, и его путь, его модели. Тогда все сидели в моделях семьи как ячейки общества, а он мне открыл идею парных процессов. Что отношения мужчины и женщины могут быть отношениями пары. Лилли начал это первый. Его «Парный циклон» как раз выдает весь пафос этого направления. У меня тоже было достаточно много в этом направлении глубоких исследований. То есть появлялись партнерши, с которыми можно было погружаться в какие-то более глубокие онтологические слои, и искать, скажем, какое-то направление — это уже скорее тема андрогинности, или софийности.

М.Н.: Есть темы, которые сложно заочно обсуждать. Я полагаю, что есть вещи, которые вы бы не хотели публиковать.

В.К.: Ну да, но тут есть, что называется аспект *энкратии*. Его можно был бы начать развивать публично. Я много пишу, у меня много текстов, и я очень мало публикую, я понимаю, что не время. У меня есть алхимистский роман, я его начал в 1970-е годы — «В поисках Андрогина», другое его название «Открытая книга». Мне удалось 20–30 экземпляров этого романа опубликовать. А остальное... Я же не менеджер своих книг. Возьмите ту же «Энциклопедию», которую мы сделали с Ровнером. Это была первая аутентичная книга по символической философии в России, остальные были перепечатками западных изданий. Издательство АСТ потом сделало переиздание (см.: Энциклопедия 2001), мне за него не заплатили, но я на это шел. Я занимаюсь накоплением словарей, энциклопедий, это очень интересное занятие.

М.Н.: А Вы брались переводить энциклопедию символической философии Мэнли Холла (*Hall 1928*)⁵⁰?

В.К.: Нет. Я знал, что-то вышло у нас. Я хотел с ним встретиться в Америке, и у меня был шанс, я был в Глендалле, был в Калифорнии в его библиотеке, но мы разминулись по времени.

М.Н.: Вы упоминаете алхимиков. Соответственно, вспоминаются тут же Евгений Головин. Ю.В. Мамлеева, которого считают одним из лидеров так называемого «Южинского кружка», мы уже упоминали. Были ли вы знакомы с Головиным?

В.К.: Нет, я с ним тоже не был знаком. Но Аркадий Ровнер был с ним близко знаком. Ко мне попала пара его учеников. Из ленинградских я был знаком с Мишей Мейлахом⁵¹. Это соседние фигуры по питерскому пространству, он более был в этом плане интересен. Но я не стремился ни с кем к специальному контакту. Если он складывался, то складывался. Скажем, с Налимовым у меня

⁵⁰ В России официально издан впервые в 1992 г. в пер. В.В. Целищева.

⁵¹ *Мейлах Михаил Борисович* (род. 1944) — советский, российский литературовед. Интересовался учением «четвертого пути» Георгия Гурджиева, собирал всю доступную информацию о нем и стал одним из первых советских последователей и исследователей Гурджиева (см.: Мейлах 1979. С. 139–172). Один из авторов энциклопедии «Мифы народов мира» (1980). В 1983–1987 гг. в лагере по политическому обвинению. С 2002 г. профессор Страсбургского университета.

сложился близкий контакт, хотя он был человеком другой эпохи. Или Володя Степанов⁵². Еще ряд, назовем их так, публично не раскрученных людей. Меня никогда не интересовали такие, как Пятигорский. Даже круг тартуских сборников меня не очень интересовал, хотя там были интересные люди. Его образ почему-то мне не был интересен, хотя я тогда уже читал тартуские сборники, ту же беседу с Мамардашвили (*Мамардашвили, Пятигорский* 1971: 345–376). Он мне, кстати, был более интересен, и я как-то был на его лекции во ВГИКе. Понимаете, тут все зависит от того, — есть эмпатия к человеку, нет этой эмпатии. Мне бы не хотелось быть подпольщиком, это коннотация скорее к Достоевскому, я вне публичности, вне фейковости, мне важны онтологические статусы. Поэтому я не пытаюсь публиковать свои книги, которые достаточно в этом плане... Ну что остается таким людям как я, — записать... Через Степанова-то ко мне и пришли переводы Давида Зильбермана⁵³.

М.Н.: А Зильберман это тоже «Человек расселины» для вас?

В.К.: Да, да, я абсолютно в этом уверен. Я даже хотел сделать о нем в этой книге главу «Смерть велосипедиста». У меня была задумка, я не стал ее реализовывать. У меня был список людей, в него входил и Зильберман.

М.Н.: Но вы с ним не встречались в Москве?

В.К.: Нет, хотя были пересечения. У Олега Генисаретского был один интересный друг: Виктор Асташов. Он уехал в Штаты, Олег с ним переписывался. Он хотел написать энциклопедию по йоге. И вот от него я впервые услышал о Зильбермане. Мы довольно часто встречались, он приходил ко мне. А у меня была заточенность на создание энциклопедий. Я в то время хотел написать энциклопедию про кино, вроде Жоржа Садуля, и начал это делать⁵⁴. Была возможность посещать «Белые столбы», многое просматривать. «Энциклопедию символов» я сделал за два месяца. Мы разделили с Аркадием работу пополам, но он ничего не делал. Он схитрил, взял западную энциклопедию символов, но редактор его поймал на этом деле, ему пришлось все переписывать. К чему я это говорю, — ну да, через это, когда копишь эти мотивы, идет работа по словарю описаний смыслов. Смысл может быть в употреблении, но нужна работа по его описанию, и важно, чтобы сам этот смысл работал, чтобы был оборот смыслов. Чтобы это не просто было какое-то вкрапление идеи, — мне важно, чтобы смысл имел свою регулярность. Если смысл не создает такую регулярность в данном времени, он исчезает. В потоке информа-

⁵² *Степанов Владимир* — эзотерик, мистик, один из лидеров эзотерической сцены в СССР в 1960-х годах и позже. Был лично знаком с Е. Головиным и другими участниками «Южинского кружка», но в отличие от них, тяготел к эзотерической традиции. Был идейным вдохновителем ряда других групп, чья деятельность до настоящего времени не исследована. Повлиял на распространение идей Г. Гурджиева, сам себя определял как продолжателя «Традиции московских тамплиеров». (См.: *Лебедько* 1999–2002; *Куклев* 2020: 57–64.

⁵³ *Зильберман Давид Бениаминович* (1938–1977) — советский и американский философ, индолог, социолог культуры. Родился в Одессе. В 1968–1973 гг. аспирант Института конкретных социологических исследований в Москве, активный участник множества семинаров и дискуссий. В 1973 г. эмигрировал в США, профессор Брандайского университета (Бостон), погиб в аварии. Дружил с А. Пятигорским, Е. Шифферсом. Переводил классические индуистские и буддийские тексты с санскрита (и с английских переводов), со второй половины 1960-х годов они распространялись в самиздате.

⁵⁴ Видимо, имеется в виду шеститомная «Всеобщая история кино» (1946–1975) Жоржа Садуля (1904–1967).

ции его размывает, он искажается. И я всегда искал эти слова. К примеру, слово «контекст», его же не было в обороте в 1960–1970-е годы.

М.Н.: Но ведь уже тогда появился альманах «Контекст»⁵⁵?

В.К. Это было уже позднее. В начале 1970-х это слово не употреблялось. Потом, лет через двадцать, даже передачи телевизионные такие пошли. Само слово безусловно существовало, ведь многие слова есть в словаре.

М.Н.: Вы имеете в виду, что слова не было в обиходе, поэтому название вашей группы звучало более авангардно, чем оно звучит сейчас?

В.К.: Конечно. Или, скажем, слова «глобалистика», «глобальное». Еще в 1980-е этого слова не было в обороте. А потом оно начинает работать в культуре. Или слово «симулякр», хоть оно и было еще у Платона.

М.Н.: Понял мысль. И вот вы, накапливая материалы, через Астафьева получили и этот перевод Зильбермана?

В.К.: Ну да, сейчас точно не помню, через него или через Володю Степанова. У Виктора Асташова несчастная судьба. Чтобы выжить в Америке, он стал стоматологом — понимаете, для человека, который мечтает об издании энциклопедии по йоге, стать стоматологом. Мне такие траектории всегда были интересны, когда человек умеет добиться, не развалиться. Жить в эмиграции очень тяжело. Вот вы оказались в Москве, это почти эмиграция. Это транзитное состояние. С Аркадием мы это очень много обсуждали. Он же там страдал от всей этой Америки, от потребительства. Но Америка — не для людей третьей культуры, понимаете. Я тоже там испугался. Я не очень хорошо знал язык, знал на уровне такого простого поля. Но я писал очень много. Я вдруг начал писать по-русски. Там я несколько книг написал: «Страна темных сновидений» о России и «Дервиш книг». Просто я не знаю, было ли у вас такое ощущение. И вдруг, ближе к третьем году, я вдруг начал мыслить на английском американском языке. И знаете, я шок испытал, я испугался. Я человек такой, трусливый в общем, я испугался вдвойне. То не боялся там никаких эмиграций, а тут испугался. Вдруг я начал терять языковую аутентичность. Шок. Я стал собираться обратно. Хотя со мной там были жена, ребенок, но у меня не было гринкарты, я не стремился к этому. Я сначала поехал на конференцию, потом у меня была еще одна бизнес-виза. Когда был 1991 г., все эти изменения, мои друзья говорят: беги получай political asylum. Все это было просто сделать. Но я не стал этого делать, и, наверное, правильно сделал. У меня были изумительные контакты. Вообще, когда становишься эмигрантом, твое коммуникативное поле сужается и становится очень узким. Америка — страна страт. А я был человек из Союза, который общался с людьми с Уолл-стрит, с разными людьми. Год прожил в Нью-Йорке и год или полтора в Лос-Анжелесе, и у меня там были контакты, в том числе, с людьми из круга Кастанеды и масса других интересных ситуаций. У меня появился друг, который был ювелиром в Голливуде, и он говорил: «вы же только приехали, почему у вас такие контакты?». А он эмигрант и уже двадцать

⁵⁵ Альманах Института мировой литературы им. А.М.Горького АН СССР «Контекст. Литературно-критические исследования» выходил с 1973 г. (первый выпуск озаглавлен «Контекст — 1972»).

лет там живет. Я говорю: потому что я не эмигрант, поэтому могу попасть в любую страну.

М.Н.: Кем же вы считали себя тогда, считаете теперь?

В.К.: По западным меркам, я «нестандартный специалист». Я в любой области могу создавать модели, смыслы, оглядеть ситуацию с разных точек зрения, и это помогает. Ну, скажем так, у меня был большой период, эти подходы помогали в области консультирования. Потому я бы не стал определять себя ответом на вопрос «кто вы по профессии?» Лингвист, филолог, антрополог, политолог или... Люди в этом плане ухищряются. Для меня это всегда было односторонне. Это пушкинское «пагуба мысли»⁵⁶... Если хочешь погубить свои мыслеформы, то пожалуйста в какую-нибудь профессию, конкретную.

Чем пахнет в ИНИОНе

М.Н.: Бывали ли вы когда-нибудь на семинарах Щедровицкого?

В.К.: Конечно, мы же были в одном институте. И вот в другом отделе Георгий Петрович пробует разыгрывать игровые темы, по сути ничего в них не понимая. То есть я даже с теми знаниями, которые у меня уже тогда были, хорошо понимал, что такое игра, виды игр. Кажется, тогда книга Хейзинги «Человек играющий» еще не вышла в русском переводе. И моих знаний было достаточно, чтобы я поучаствовал несколько раз в семинаре... Близко я с ним не сходил, потому что он, скажем так, делал ставку на комсомольцев. А я был «комсомолец без билета». Он развивал идею воспитать из комсомольцев будущих лидеров России, что, к сожалению, удалось. Потому что Чубайс, Гайдар — это и есть эти комсомольцы Щедровицкого, понимаете. Щедровицкий — это такой старый либерал, как бы идеолог комсомольцев, обученных методологии управления, способам деятельности. Эта идеология пришла в 90-е годы, и самое страшное, что ее на вооружение взяли спецслужбы. На эту тему у него были изыскания, в которых я участвовал раза два-три. В кружок ММК⁵⁷ я не входил. Скорее я дружил с его участниками. У него был ученик Наумов⁵⁸, я дружил с ним и его женой. Потом, когда я жил в Америке, мы пересекались с Леной Наумовой. Она жила под Сан-Франциско и приезжала пообщаться ко мне в Лос-Анджелес. А с ним самим — нет, идеологически это не мои процессы. С Генисаретским у нас какая-то была совместная эмпатия. Я с ним больше общался, чем с Щедровицким. Несколько пересечений у меня было с Владимиром Лефевром⁵⁹. С ним я общался через

⁵⁶ «...ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли» (А.С. Пушкин — П.А. Катенину, письмо 1826 г.).

⁵⁷ «Московский методологический кружок», сообщество учеников и единомышленников Г.П. Щедровицкого, сформировавшееся к началу 1960-х годов.

⁵⁸ *Наумов Сергей Валентинович* — участник «методологического движения» с 1979 г., кандидат физико-математических наук. Был учеником и помощником Г.П. Щедровицкого, повлиял на формирование метода организационно-деятельностных игр (ОДИ). После 1987 г. отошел от «методологического движения», увлекся религией, позже эмигрировал. См. о нем на сайте Московского методологического кружка: <https://www.fondgp.ru/old/mmk/personalia/1970/23.html>.

⁵⁹ *Лефевр Владимир Александрович* (1936–2020) — математик, философ, создатель теории рефлексии. Один из ключевых участников «методологического движения» в 1960–1970-е годы. Также принадлежал к системному движению. Автор книги «Конфликтующие структуры» (1967). В 1974 г. эмигрировал в США.

Андрея Томма, внука Павла Антокольского. Я с ним дружил, а он дружил с Лефевром. Уже вышла его книга «Конфликтующие структуры». Лефевр приходил один-два раза на семинары. Я в то время развивал теорию хаоса. Тогда это было совсем не понятно, не популярно.

М.Н.: А когда вы говорите о себе «комсомолец без билета», это что значит? Вы были комсомольцем?

В.К.: Нет, я не был в комсомоле.

М.Н.: А во ВГИК могли взять человека, который не был членом комсомола?

В.К.: Могли. Да, это имело какое-то значение. Но если человек что-то интересное говорит на собеседовании, то его партийная принадлежность была всегда вторична. А это был мой конек, я всегда мог подать идеи, сюжеты, что угодно. Партийная принадлежность проявлялась, наверное, уже в других ситуациях. Геннадий Шпаликов был «комсомолец без билета».

М.Н.: Русский космизм, кстати, как-нибудь обсуждался? Рериховцы этим интересовались.

В.К.: Нет. Даже не представляли себе, что это, потому что господствовал сциентистский материализм. Мало кто читал того же Николая Федорова. Можно было это делать только в спецхранах.

М.Н.: Я понял, доступ к книгам был осложнен и некоторые темы не обсуждались, потому что не читали об этом. А в библиотеке ИНИОНа вы работали когда-нибудь?

В.К.: Да, она находилась недалеко от меня. Я уже потом переехал в Черемушки. Много знакомых там работали. Если говорить про библиотеки, то для меня более вкусной была Историческая библиотека. Или библиотека Политехнического музея. Они как-то более остались у меня памяти. Может быть, когда ты дорываешься до каких-то редких источников, это какое-то особое, знаете... По-разному работает эта поисковость. Остаются разные ощущения. А ИНИОН я изучал, но не привечал. Рядом с ним была библиотека Академии медицинских наук. В этой библиотеке была первая выставка Эсаленского института⁶⁰. Там были книги, которые еще не выходили в массовую аудиторию. Книги будущего, да? Например, последние тома Карлоса Кастанеды. Один мой приятель даже стащил оттуда экземпляр (не буду называть его фамилии, сейчас это довольно известный человек). Там была масса интересных книг, и это была более ценная для меня акция. А в ИНИОНе — вот этот дух советской науки. Чем пахнет Щедровицкий? Он пахнет ИНИОНом. У каждой эпохи свой запах.

М.Н.: Олег Генисаретский говорил, что для него существенным опытом было общение с людьми из круга отца Александра Меня. Вы бывали там?

⁶⁰ Эсаленский институт создан в Калифорнии в 1962 г. последователями социальной философии Олдоса Хаксли. Один из инфраструктурных центров движения New Age, его символов. Неофициальный всемирный центр околоэзотерических исследований в антропологии и психологии. Тренинговый центр.

В.К.: Нет. Будучи крещеным человеком, причем меня крестил в раннем детстве в глубокой русской деревне настоящий русский батюшка, я всегда не признавал христианство как эгрегор. А это всегда работает как эгрегор. Поэтому церковь стоит с крестом, но без Христа, если можно так выразиться. У меня даже стихотворение есть на эту тему, о том, что я иду, скажем, в Доброслободском переулке, и в подворотне я встречаю Христа. Так я его встретил в подворотне, а не в храме на Елоховке⁶¹. Для меня это важно. Все-таки, это вопрос всегда должен быть интимный. Вроде как сколько у тебя денег, и во что ты веруешь. Он не должен поддаваться никакому общественному обскурантному процессу. Скажем, я знал людей, на мой взгляд, истинно православных. Которые не просто поверили, а [благодаря] изучению, теологически. У меня был такой человек, Эдуард Тайнов. У него есть книга о метафизике православия (*Тайнов* 1998). Он ученик отца Геронимуса⁶², с которым я только один раз пересекался в 1970-е годы. Но это были люди уникальные. Меня, по-моему, он более такой человек, скажем, менее гностический. А вот этот Тайнов был кандидат физических наук, физик. И вдруг он это все бросает. Но это было частое явление тогда. И он идет работать в церковь, причем там никуда не лезет, он просто дворник. У него своя квартира в Москве. И для него важны эстетика и идеология жизни монаха в миру. Он говорит: «я запечный сверчок». Он хорошо знал средневековую теологию. Мы с ним очень много общались по телефону, с ним было очень интересно говорить о его понимании Вселенной и Творца. Уже сравнительно недавно он мне говорит: пойдём, там какой-то семинар православных философов, людей, которые могут высказать какие-то идеи... Сейчас я забыл, кто руководил семинаром. Один известный в православной иерархии человек. Я говорю: нет, если мы придем, нас с тобой высекут по многим вопросам. Он пошел, и там его действительно очень сильно обидели. Он мне звонит, чуть не плачет. Ну, а я знал все эти расклады, что там не будет диалога, почему и не пошел.

М.Н.: А в кругу Меня вроде как раз были диалоги. К нему собирались как раз потому, что там можно было поговорить.

В.К.: К нему ходила масса людей из моего коммуникативного круга. У меня какое-то чутье. Я потом пару раз встречался с его сыном, который был потом губернатором Ивановской области. У меня была модель развития локального пространства, еще с времен ЦНИИПИИАССа, были даже опыты такие в советские времена. Нас отправляли в колхозы на отработку, и я применил эти свои методы и построил социализм в отдельно взятой деревне. Но до этого [с ним] не дошло, потому что я увидел эту, как бы сказать... Для меня всегда справедливость — если не присваиваешь неучтенные ресурсы. Легко определить, когда человек берет не свое. Есть какие-то эмпатические параметры. Что значит взять не свое? Можно присвоить чужие смыслы, можно присвоить чужие ситуации, можно присвоить чужие деньги, чужую женщину. Онтологически. Из этого никогда ничего хорошего не будет, но вся Россия на этом стоит. Как схватить ресурс, чтобы выжить? Этим мы и занимаемся, успешно или неуспешно.

⁶¹ Имеется в виду Богоявленский кафедральный собор в Елохове, в Басманном районе г. Москвы, один из немногих православных храмов Москвы, который всегда оставался действующим при советской власти. Находится в пешей доступности от ранее упомянутого Разгуляя.

⁶² По-видимому, Александр Геронимус (1945–2007). Окончил механико-математический факультет МГУ, был кандидатом физико-математических наук. Священник РПЦ с 1979 г. Автор работ по христианской антропологии, в т. ч. об учении Максима Исповедника.

М.Н.: И вот вы увидели, что он — такой человек?

В.К.: Я как-то чувствовал. Ну как я могу что-то говорить о человеке, с которым я никогда не встречался. Но я и в другом отметил это. Ну, это какие-то очень такие тонкие вещи, которые важны людям с каким-то духовным опытом, чтобы не попадать в сложные двусмысленные ситуации.

М.Н.: ...важны как аспекты духовного опыта?

В.К.: Да. Можно через личную историю это рассказывать. Потому что, кроме смыслового, теоретического знания я ценю личный опыт. «Ты в этом участвовал, ты через это прошел» и ты знаешь какие-то житейские расклады. Почему получилось так, а не иначе. Почему ты стал заниматься именно этим исследованием, а не другим. Скажем, известна советская научная парадигма, там понятны все ритуалы — как защищать кандидатские, докторские. Если ты это понимаешь, этот алгоритм, можешь быстро стать академиком. И люди тратят свои мозги и время, чтобы пройти эти социальные ритуалы. Ну, стал ты академиком, но время-то уже ушло. Поэтому то, на что ты меняешь свое время, во что ты себя встраиваешь, это и определяет твой подход, твои знания, определяет твой, как я говорю, онтологический статус. Но любая религия сводится к исканию вечности. Был ли Мень искателем вечности? У меня был вопрос.

М.Н.: Судя по вашей интонации, — он им не был.

В.К.: Я не могу это утверждать, понимаете.

М.Н.: Утверждать тут, наверное, никто не может, может идти речь об ощущении.

В.К.: Ощущение такое: для меня это просто образ Булатовича⁶³. Был такой поэт, гусар-схимник, который на лошади мог проскакать через Северную Африку до озера Чад. Когда он вернулся в Россию в 1918 году, пришел мужик и зарубил его топором. Сжег его дом. Как вот это в голове укладывается.

М.Н.: А образ Булатовича это образ чего для вас?

В.К.: С одной стороны, он подвижник, открыватель, у него какая-то особая миссия. В то время к этому стремились многие: Андрей Белый, Владимир Соловьев, они хотели поймать это непостижимое, а этот человек реализовал. А с другой стороны, вот он вернулся в свое имение и тут же получил удар топором. Ну и топор как символ России. И в убийстве отца Мень какой-то общий закон или образ. Ну а что, разве это не соединяется?

М.Н.: Никогда об этом так не думал, не знаю...

⁶³ Булатович Александр Ксаверьевич (иеросхимонах Антоний) (1870–1919) русский офицер, затем религиозный деятель, писатель. В 1896–1899 гг. находился в Эфиопии, исследовал отдаленные районы и выполнял роль военного советника. В 1903 г. ушел из армии, принял монашество. В I Мировую войну был армейским священником, затем в плену. Погиб в 1919 г. во время Гражданской войны при неясных обстоятельствах.

В.К.: У меня почему-то соединилось. Ну, такое соединение непроизвольно происходит, это не специальный анализ. Если бы я сидел и анализировал концепты, мировоззрение того и другого, был бы уже другой разговор и другая герменевтика. Все-таки мы с вами работаем сейчас в жанре интервью. Я не рассказываю вам о технологиях, о мировоззренческих каких-то вещах. Это трансгрессия. Я рассказываю вам о мирах, которые были, но которых нет. О тех людях... Ну, я принципе так вкратце пробежался по процессам, в которых приходилось жить.

М.Н.: Хорошо. Большое спасибо за этот разговор!

Интервью состоялось в декабре 2021 г. Расшифровка, подготовка текста к публикации, примечания М.Ю. Немцева.

Литература

- А.А. Дорогов* о встречах с М.М. Бахтиным и о его месте в истории лингвистических идей / Вводн. ст. С.Г. Бочарова; публ. и биогр. справка П.Б. Переверзевой // Московский лингвистический журнал. М., 2005. Т. 8. № 2. С. 161–177.
- Дорогов А. А.* Учение о машинах в русской научно-технической литературе периода мануфактурной техники // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 8 (отд. отт.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 100–155.
- Куклев В.* Люди расселин // Гнозис. 1995. № 11. С. 95–101.
- Куклев В. В.* Люди Расселин. Глубинные люди М.: Издательская группа «Традиция», 2020. *Куклев В. В., Ровнер А. Б., Андреева В.* Энциклопедии символов и знаков. М.: Локхид-МИФ, 1998.
- Лебедько В.* Хроники Российской Саньясы: из жизни российских мистиков 1970-х — 1990-х. Т. 1–4. СПб.: Тема, 1999–2002.
- Лилли Дж.К., Дасс Р.* Центр циклона. Автобиография внутреннего пространства (1975). Киев: София, 1993.
- Лукоянов Э.* Отец шагунов. Жизнь Юрия Мамлеева до гроба и после. М.: Издательство Individuum, 2023.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Три беседы о метатеории сознания. Краткое введение в учение виджнянавады // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. V. С. 345–376.
- Мейлах М.* Теория трансмутации Г.И. Гурджиева // Рациональное и иррациональное в современном буржуазном сознании. М., 1979. Вып. 2. С. 139–172.

Менцель Б. Окультизм и эзотерические движения в России в 1960-х — 1980-х годах // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 207. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhalttruss19.html>.

Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980.

Неклесса А., Куклев В. Проектирование большого будущего // Следующий шаг. 2009–2010. № 9/10. С. 9–19.

Пятигорский А. М. Философия одного переулочка. Лондон, 1989.

Рупова Р. М. Дорогов Алексей Александрович // Философы современной России. Энциклопедический словарь. Издание 4-е, исправленное и дополненное. М., 2016. С. 137–139.

Спирин Т. В. Советский эзотеризм как контркультурное явление (на примере Южинского кружка) // Мистико-эзотерические движения в теории и практике: мистицизм и эзотеризм в России и других странах постсоветского пространства. Сб. мат. Девятой всероссийской научной конференции с международным участием (9–11 ноября 2017 г., Москва) / отв. ред. и сост. С.В. Пахомов. СПб.: Издательство РХГА, 2018. С. 218–225.

Тайнов Э. Трансцендентальное. Православная метафизика. М: Мартис, 1998.

Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии. М.: Эксмо, Мидгард, 2007.

Эйзенштейн С. М. Избранные произведения в 6 тт. М.: Искусство. Тт. 1–5: 1964–1968, Т. 6: 1971.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем / под ред. В. Андреевой, В. Куклева, А. Ровнера. М.: АСТ, 2001.

Unio Mistica. Московский эзотерический сборник. М.: Terra, 1997.

Laruelle M. The Iuzhinskii Circle: Far-Right Metaphysics in the Soviet Underground and Its Legacy Today // Russian Review. 2015. Vol. 74. P. 563–580.

Hall M. P. The Secret Teachings of All Ages: An Encyclopedic Outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy. San Francisco, H.S. Crocker, 1928.

Interview

Nemtsev M. Yu. «Liudi rasselin» v pozdnesovetskoj Moskve. Interv'yu s V.V. Kuklevym [«People of the Depths» in Late Soviet Moscow. Interview with Valentin Vladimirovich Kuklev] *Anthropologies*, 2023, No 1, pp. 122-150, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-1/122-150>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kuklev Valentin Vladimirovich | writer, consultant, independent researcher

Nemtsev Mikhail Yurievich | Senior Researcher, Tyumen State University | nemtsev.m@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0001-7854-7450>

Abstract

A biographical interview with the Moscow writer Valentin Vladimirovich Kuklev (born in 1948) makes it possible to better imagine the complex panorama of unofficial culture and the «esoteric scene» in the late Soviet society. Among its particular topics are the features of the circulation of various texts of anthropological subjects, the activities of key figures of this scene, the author's concept of the «third culture» and the interpretation of various events from the point of view of a person belonging to the «third culture». Information about the activities of such important for the intellectual community of this period as VNIITE and the Electronic Music Studio at the Scriabin Museum are revealed. The immediate reason for the interview was the release of V. Kuklev's book «People of the Crevasses» (People in the Depths)» (M., 2020).

Key words: «The Third Culture», «Context», Soviet Unofficial culture, Soviet Esoterism, Late Soviet society, CNIPIASS

References

- A.A. Dorogov o vstrechakh s M.M. Bahtinym i o ego meste v istorii lingvisticheskikh idei. 2005. [A.A. Dorogov on meetings with M.M. Bakhtin and his place in the history of linguistic ideas] Introductory article by S.G. Bocharova; publ. and biogr. reference by P.B. Pereverzeva. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal*, 8, 2: 161–177.
- Dorogov, A.A. 1956. Uchenie o mashinakh v russkoi nauchno-tehnicheskoi literature perioda manufakturnoj tekhniki [The doctrine of machines in the Russian scientific and technical literature of the period of manufacturing technology]. *Trudy Instituta istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 8. M.: Izd. AN SSSR: 100–155.
- Eizenshtein S. M. 1964–1971. Izbrannye proizvedeniia [Collected Works]. 1–6. M.: Iskusstvo.
- Enciklopediia simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. 2001. Eds. V. Andreeva, V. Kuklev, A. Rovner. M.: AST.
- Hall, M.P. *The Secret Teachings of All Ages: An Encyclopedic Outline of Masonic, Hermetic, Qabbalistic and Rosicrucian Symbolical Philosophy*. San Francisco, H.S. Crocker, 1928. Russian edition: 2007. M.: Eksmo, Midgard.
- Kuklev, V. 1995. L'udi rasselin [People of the Crevasses]. *Gnozis*, 11: 95–101.
- Kuklev, V.V. 2020. *L'udi Rasselin. Glubinye l'udi* [People of the Crevasses. Deep People]. M.: Izdatel'skaia grupa «Tradiciia».
- Kuklev, V.V., Rovner, A.B., Andreeva, V. 1998. *Enciklopedii simvolov i znakov* [Encyclopedias of symbols and signs]. M.: Lokhid-MIF.
- Laruelle, M. 2015. The Iuzhinskii Circle: Far-Right Metaphysics in the Soviet Underground and Its Legacy Today. *Russian Review*, 74: 563–580.

- Lebed'ko, V. 1999–2002. *Khroniki Rossiiskoi San'yasy: iz zhizni rossiiskikh mistikov 1970-h — 1990-h*. [Chronicles of Russian Sannyasa: from the Life of Russian Mystics of the 1970s — 1990s.]. SPb.: Tema, 1–4.
- Lilly, J.C. 1972. *The Center of the Cyclone*. NY: Julian Press. Russian edition: 1993. Kiev: Sofiya.
- Lukoianov, E. 2023. *Otets shatunov. Zhizn' Iuriia Mamleeva do groba i posle* [The Father of Sublimes. The life of Yuri Mamleev before and after the grave]. M.: Individuum.
- Mamardashvili, M.K., Piatigorskii, A.M. 1971. Tri besedy o metateorii soznaniia. Kratkoe vvedenie v uchenie vidzhnyanavady [Three conversations about the metatheory of consciousness. A Brief Introduction to the teachings of Vijnanavada]. *Trudy po znakovym sistemam*, Tartu, 5: 345–376.
- Meilah, M. 1979. Teoriia transmutatsii G.I. Gurdzhieva [G.I. Gurdjieff's theory of transmutation]. *Racional'noe i irracional'noe v sovremennom burzhuaznom soznanii*. M., 2: 139–172.
- Mencel', B. 2013. Okkul'tnye i ezotericheskie dvizheniia v Rossii v 1960-h — 1980-h godah // Forum noveishei vostochnoevropejskoi istorii i kul'tury. № 1. URL: <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss19.html>.
- Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. 1980. M.: Sovetskaia enciklopediia.
- Neklessa, A., Kuklev, V. 2009–2010. Proektirovanie bol'shogo budushchego [Designing a great future]. *Sleduiushchii shag*, 9/10: 9–19.
- Piatigorskii, A.M. 1989. *Filosofia odnogo pereulka* [The philosophy of one lane]. London.
- Rupova, R.M. 2016. Dorogov Aleksej Aleksandrovich. *Filosofy sovremennoi Rossii. Enciklopedicheskii slovar'*. M.: 137–139.
- Spirin, T.V. 2018. Sovetskii ezoterizm kak kontrkul'turnoe iavlenie (na primere Yuzhinskogo kruzhka) [Soviet esotericism as a countercultural phenomenon (on the example of the Yuzhinsky Circle)] // *Mistiko-ezotericheskie dvizheniia v teorii i praktike: misticizm i ezoterizm v Rossii i drugikh stranakh postsovetskogo prostranstva* [Mystical-esoteric movements in theory and practice: Mysticism and esotericism in Russia and other post-Soviet countries]. The Ninth All-Russian Scientific Conference with international participation (November 9–11, 2017, Moscow), ed. and comp. S.V. Pakhomov. SPb.: 218–225.
- Tainov, E. 1998. *Transcendental'noe. Pravoslavnaia metafizika* [Transcendental. Orthodox Metaphysics]. M: Martis.
- Unio Mistica. Moskovskij ezotericheskij sbornik* [Unio Mistica. Moscow Esoteric Collection]. 1997. M.: Terra.

